

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Ольга КУНО

ГОЛОС
МОЕЙ ДУШИ

Роман

Москва, 2015
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К91

Серия основана в 2004 году
Выпуск 559

Художник
С. Дудин

Куно О.

К91 Голос моей души: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 440 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1913-5

Что делать, если вас оклеветали, лишили титула и посадили в тюрьму, а ваша сокамерница оказалась призраком, да к тому же весьма острым на язык? Конечно же бежать! А призрак поможет. Предупредит об опасности, укажет дорогу и поддержит веселой болтовней в трудную минуту. Остается перебраться за границу, начать жизнь с чистого листа и надеяться, что рано или поздно призраку удастся возвратиться в собственное тело и обернуться молодой привлекательной женщиной. А уж тогда берегитесь, обидчики!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ольга Куно, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-1913-5

ГЛАВА 1

Я вижу небо разве только во сне,
Что с энных пор неудивительно даже:
Я этой участи достоин вполне —
Ведь таково, признайтесь, мнение ваше!

Канцлер Гу. Bagerlee Blues

В тюрьме все было как всегда — тихо, темно и пусто. Единственным источником освещения являлся одинокий факел, догоравший в дальнем конце коридора. Его прилежно зажигали раз в сутки, даже не знаю, для чего и для кого. Когда он догорал, эта часть тюрьмы погружалась в абсолютную темноту — до истечения суток и очередного прихода стражи. Именно с такой частотой представители правопорядка посещали нижний тюремный этаж. Здесь содержались те заключенные, о существовании которых все предпочитали забыть.

Я устроилась на своем обычном месте под потолком, над головой у прикованной к стене узницы. Она стояла, вернее, фактически висела, склонив голову вниз, и уже давно не подавала признаков жизни. Поднятые вверх руки были скованы цепями, прикрепленными к проделанным в стене кольцам. Длинные пряди давно не чесанных волос свисали, закрывая лицо от посторонних взглядов, которые, впрочем, некому было устремлять в сторону заключенной. Кровоподтеки на руках давно засохли и теперь покрывали кожу темной коркой. На блузе — бурое кровавое пятно, растекшееся также и на юбку. Молодая женщина пока дышала, но совсем слабо. Я с грустью окинула ее взглядом. Долго она не протянет.

Сперва я даже не услышала звук, а скорее почувствовала легкую вибрацию в воздухе. Кто-то идет. Странно. В это время суток обхода не бывает. Или, возможно, у меня окончательно сбилось ощущение времени? При моих нынешних обстоятельствах это не мудрено.

Но нет, как вскоре оказалось, я была права. Это действительно не был регулярный обход. Просто в камеру доставили нового заключенного. Заинтересовавшись, я немного передвину-

лась со своего места, чтобы иметь возможность получше рассмотреть происходящее. Видимо, узник был из непокорных. Во всяком случае, вели его двое стражников, заломив руки за спину. Еще один стражник шел впереди. Именно он открыл дверь камеры, той самой, в которой находилась и я, после чего заключенного зашвырнули внутрь. Он не удержался на ногах, зашипел и выругался, сильно приложившись плечом и рукой об пол.

Дверь захлопнулась и была сразу же закрыта на замок. Не задерживаясь, стражники зашагали прочь. На узницу бросили лишь мимолетный взгляд. Никакого изменения в ее состоянии никто уже не ожидал.

Все еще ругаясь, мужчина поднялся на ноги. Подошел к двери, потирая на ходу ушибленное плечо. Там, где он ударился наиболее сильно, был разорван рукав. Впрочем, это не слишком ухудшило состояние одежды заключенного. Рубашка, давно утратившая белый цвет, уже была разодрана в нескольких местах, к тому же у нее оторвалась пара пуговиц. Однако когда-то одежда была дорогой и весьма приличной; это и сейчас можно было определить по изящному, но перепачканному воротнику и сохранившимся пуговицам — насколько я могла судить со своего места, серебряным.

Я ожидала, что узник станет кричать стражникам вслед. Трясти решетку, угрожать, требовать, биться в истерике. Рано или поздно так делают очень многие. Почти все. Но, видимо, было не то слишком рано, не то слишком поздно. Заключенный просто мрачно смотрел туда, откуда его недавно привели. Туда, где только что исчезли из виду спины его конвоиров. Потом развернулся и со вздохом оглядел камеру. Видимо, его несколько дней продержали в каком-то другом месте, прежде чем перевести сюда. И он уже успел понять, что криками тут ничего не добьешься. Однако же и отчаяние еще не овладело им окончательно. Это видно по взгляду — напряженному, злому, тоскливому, но не потухшему. Впрочем, долго ли ему осталось? В такой глубине гаснет все, как ежедневно демонстрирует самым непонятливым одинокий чадающий факел. Может быть, его поэтому здесь и оставляют?

Узник посмотрел на прикованную к стене девушку, нахмурился, покачал головой. Больше никого не увидел.

— Привет. Добро пожаловать! — вежливо произнесла со своего места я.

Как-никак новый сосед.

Мужчина вздрогнул. Снова взглянул на девушку, понял, что она ничего сказать никак не могла, и продолжал осматривать

помещение. И, что совершенно неудивительно, опять никого не обнаружил. Он уже собирался списать все на собственное воспаленное воображение, когда я заговорила снова:

— Располагайся, устраивайся поудобнее. Ничего, что я на «ты»? Обстановка, знаешь ли, не слишком располагает к формальностям.

Пока я говорила, заключенный подозрительно посмотрел на девушку, но ее губы оставались неподвижны. Тогда он поднял голову, инстинктивно понимая, что голос звучит откуда-то сверху. Теперь он смотрел точно туда, где расположилась я. Но видеть меня, ясное дело, не мог.

— Кто это говорит? — громко спросил заключенный с раздражением, какое бывает свойственно людям определенного склада, когда ситуация выходит у них из-под контроля. — Кто ты?

— Голос в твоей голове, — не удержавшись, ответила я. — Знаешь, некоторые люди, когда оказываются в тюрьме, сходят с ума. У них начинается раздвоение личности, голоса разные слышат, ну и все такое. Ладно, извини, — поспешила пойти на попятный я. — Я просто шучу. Я вовсе не нахожусь у тебя в голове. Я вполне самостоятельный голос. Так сказать, автономный.

Судя по тому, как хмурился узник, убедить его мне не удалось. Мужчина с силой потер виски и в очередной раз огляделся.

— И все-таки кто же ты такая, если не плод моего воображения? — осведомился он.

— Ну а как ты сам думаешь? — отозвалась я. — Сам посуди, кто кроме тебя сидит в этой камере?

— Насколько я могу судить, — хмурясь, ответил узник, — только она.

И он указал рукой на девушку.

— Все верно, — подтвердила я. — Больше никого здесь нет. Так что ответ прост. Я и есть она.

— То есть как?

Он все еще не понимал.

— Ну, можно сказать, что я — ее душа, — немного неуверенно объяснила я.

— Что? — в смятении переспросил узник, до сих пор не уверенный в том, что вполне нормален и весь этот разговор происходит на самом деле. — Хочешь сказать, что ты... то есть *она* — умерла?

— Не совсем, — подумав, возразила я. — Видишь, она дышит. Так что не умерла, а так... наполовину.

— Как такое может быть? — Он вглядывался в темноту под потолком, надеясь разглядеть там хоть что-нибудь, вернее, ко-

го-нибудь. Но разглядеть не мог. Я была невидима для человеческого взора. — Как это с тобой произошло?

— Сама не знаю. — Это был честный ответ. — Помню, что мне было очень больно. И сильно хотелось пить, просто дико, почти до крика. Но в горле слишком пересохло, чтобы кричать. И еще я страшно хотела спать, но не могла уснуть в таком положении. А потом все-таки уснула, а может, потеряла сознание. Точно не знаю. Когда я пришла в себя, было еще хуже. И знаешь, что странно? — задумчиво произнесла я. — Казалось бы, боль, жажда и голод — все это серьезно. А я больше всего страдала от того, что не могу поменять положение. Из-за этих цепей, — уточнила я, как будто это и так было не понятно. — Казалось бы, такая ерунда... В общем, в какой-то момент мне вдруг стало очень легко. Мучения резко отступили. А потом я поняла, что уже нахожусь не там, а здесь.

Я не имела возможности показать, что имею в виду под словами «здесь» и «там», но узник понял. Тихо выругался.

— Можно я подойду? — спросил он.

Я насторожилась.

— Зачем? — Мой тон разом перестал быть дружелюбным.

— Просто посмотреть.

— Зачем? — еще более напряженно повторила я. — Здесь тебе не ярмарка.

— Не бойся. — Он догадался о причине моего беспокойства. — Я не сделаю ничего плохого. Не доверяешь?

— С какой стати я должна тебе доверять? — изумилась я. — Посмотри на нее. Посмотри! — Теперь я почти кричала. — Видишь, что с ней сделали? Думаешь, после этого у нее есть причины доверять людям?

— Нету, — признал он после короткой паузы.

И подходить ближе не стал.

— Давно это произошло? — вместо этого спросил он. — Давно ты... отделилась?

— Две недели назад. Если, конечно, я не запуталась во времени, — справедливости ради уточнила я.

— А как же ты... в смысле она... — Он раздраженно мотнул головой. — Как она ест, пьет?

— Она не ест и не пьет, — жестко ответила я. — Да ей никто ничего и не приносит. Уже давно. Больше двух недель.

— Тогда как же она может быть до сих пор жива?

— Не знаю. — Я бы развела руками, если бы могла. Но руки безвольно висели там, внизу, скованные цепями. — Наверное,

что-то странное произошло, когда я покинула свое тело. Но факт остается фактом. Она дышит.

Узник кивнул, после чего отошел к решетке, туда, где через маленькое окошко над полом ему оставили кружку с водой и глиняную тарелку с кашей. Наклонился и поднял кружку.

— За что тебя так? — спросил он, повернувшись и посмотрев прямо на меня.

Видеть, конечно, не мог. Но запомнил, откуда исходит голос.

— Не помню. Наверное, пока я была там, — я посмотрела на свое тело, хоть он и не мог проследить этот взгляд, — помнила. А теперь забыла. Возможно, это как-то связано со смертью. Ну, то есть с полусмертью.

Он что-то промывчал в ответ. Наверное, не поверил. Но, впрочем, мне-то какая разница? Не хочет, пусть не верит.

— А ты? Тебя за что посадили? — с любопытством спросила я.

— Да какая разница, за что? — махнул рукой узник. — Искали способ избавиться — и нашли. Нелепый, но для определенных слоев убедительный.

Договорив, он решительно направился к заключенной.

— Эй, что ты делаешь? — закричала я.

— Ничего плохого, — отозвался он, и мои дальнейшие протесты игнорировал.

Подойдя к девушке, заключенный поставил кружку на пол. Выпрямившись, посмотрел на узницу и осторожно приподнял ее голову. Локонь, точнее сказать, теперь уже космы, упали на лицо. Он аккуратно заправил их за уши. Оттянул нижнее веко. Потом приложил палец к шее, подержал, снова отвел руку. Поднял кружку и, запрокинув голову девушки, влил немного воды ей в рот. Достал из кармана платок, намочил и провел по ее лицу. Поддержал своим телом так, чтобы она больше не висела на руках. Снова дал немного воды.

Я вдруг почувствовала, как меня что-то тянет вниз. Спротивляться не получалось.

— Прекрати! — закричала я, полностью теряя контроль над собой. — Не надо! Я не хочу!

Перед глазами все поплыло, и я увидела непривычно близкий пол камеры. Грудь сдавило, будто под огромной тяжестью, горло горело, руки и спина сильно болели.

— Не хочу... — еле слышно прошептала я, с трудом шевеля губами.

— ...Ты меня слышишь? — донесся откуда-то издали мужской голос.

Нет, кажется, не издалека, он стоит совсем рядом. Даже вплотную. Именно это дает отдых моим рукам. Я хотела ответить, что слышу. Но голос снова перестал слушаться. А спустя еще секунду мне стало легко. Отступила боль и тяжесть, а пол и мужчина снова оказались где-то внизу.

— Фух! — облегченно выдохнула я. — Больше так не делай.

Заклоченный резко вскинул голову.

— Ты опять там?!

По-моему, в его голосе прозвучала укоризна.

— А ты как думал? Полагаешь, это так просто — вернуть человека к жизни? Я уже две недели в таком состоянии. Для того чтобы полноценно меня оживить, нужен хороший лекарь, специальные микстуры, нормальные условия. А здесь ничего этого нет и не будет. Так что и пытаться бессмысленно. Поэтому давай договоримся впредь обходиться без таких фокусов. Идет?

— Не обещаю.

Впрочем, сейчас он, к моему облегчению, от девушки отошел. Огляделся, подыскивая себе место, подгрел к стене побольше соломы и уселся на нее, положив руки на колени. Развернувшись, выглянул в коридор, взъерошил волосы, задумался о чем-то, время от времени принимаясь массировать себе виски. Потом лег, заложил руки за голову и закрыл глаза.

Заклоченный лежал практически неподвижно, только грудь вздымалась и опускалась в такт дыханию, и я уже думала, что он заснул. Но он вдруг, не поднимая век, спросил:

— А ты когда-нибудь спишь?

— Нет. У меня нет такой потребности.

Он едва заметно кивнул головой, давая понять, что принимает к сведению.

— А выйти отсюда ты можешь?

— Могу, — похвасталась я. — Без тела, конечно. Иногда я так делаю. Просачиваюсь сквозь решетку, лечу наверх и немного гуляю. Смотрю на небо. На деревья. Летаю над окрестностями. Но только недалеко.

— Почему? — спросил он, открывая глаза. — Ты не можешь уйти далеко от своего тела?

— Могу, — возразила я. — Но только... боюсь. Боюсь не найти дорогу назад. И окончательно умереть. Ты не знаешь, почему я боюсь?

Он удивился такому вопросу.

— Разве это не очевидно?

— Мне — нет. — Мне и правда было непонятно. — Почему люди цепляются за жизнь? Даже когда жизнь — такая?

Я посмотрела на себя, висящую на цепях там, внизу. Запоздало поняла, что заключенный не может видеть, куда я смотрю. Оказывается, это так неудобно — разговаривать, когда в твоём распоряжении нет ни мимики, ни жестов, ни взглядов, ни выражения лица. Только слова.

— Просто... — Мужчина нахмурился, подыскивая формулировку. — Не знаю, как сказать, — наконец развел руками он.

— Жаль, — искренне посетовала я.

На этом наш разговор закончился. Узник снова закрыл глаза и вскоре действительно уснул. В тюремной тишине я могла отчетливо слышать его ровное дыхание. Спустилась пониже и пригляделась. Ресницы чуть подрагивают. Цвет лица нездоровый, под глазами пролегли круги. Да, он точно не первый день в тюрьме. Но в линии губ пока еще сквозит упрямство. Узкий подбородок, покрытый густой щетиной, высокие скулы. Черные волосы взъерошены, и в них запутался какой-то мусор. Наверное, паутина. Я бы вытащила. Но не могу.

Наутро я решила отправиться немного погулять. Узник еще спал, и я не стала его беспокоить. Просто скользнула через решетку, пролетела по коридору и поднялась вверх по лестничной шахте. На самом деле я могла бы пролететь и сквозь стены, но передвигаться по коридорам и лестницам было привычнее. Вот только метод движения теперь совсем другой. Летать оказалось на удивление просто. Почти как во сне. Я представляла себе, что сгибаю ноги в коленях, как будто собираюсь сесть на корточки. И, приседая, поднимаюсь в воздух. А дальше могла двигаться в любом направлении по собственному желанию.

Немного проветрившись, я возвратилась в камеру. Первым делом взглянула на свое тело, убедилась, что все обстоит по-прежнему, без изменений. И только потом обратила внимание на весьма любопытную картину. Мой сокамерник уже проснулся и теперь, сняв рубашку, методично отжимался от пола. Я немного понаблюдала за тем, как перекачиваются под кожей мышцы.

— Вот это да! Такое зрелище пропадает! — громко посетовала я. — Мускулатура у тебя что надо. Даже жаль, что ни одна живая девушка не может увидеть и оценить.

— А мертвая оценить не может? — осведомился он, замирая на вытянутых руках, чтобы немного передохнуть.

— Только эстетически, — сообщила я. — В своем нынешнем состоянии я не испытываю сексуального возбуждения.

— Это радует, — кивнул он.

— Почему?

— Как-то боязно сознавать, что в одной камере с тобой находится невидимый призрак, испытывающий сексуальное возбуждение, — констатировал узник, после чего возобновил отжимания.

Больше я его не отрывала. Завершив свое занятие, он плеснул в лицо чуть-чуть воды и надел рубашку. Я неодобрительно взирала на то, как он зачерпывает из кружки жидкость и наносит влагу на лоб и щеки. Все-таки он новичок. Еще не привык экономить ресурсы.

— И какова цель этого занятия? — поинтересовалась я теперь. — Предполагаю, ты отжимался от пола не для того, чтобы усладить мой взор?

— Не для этого, — и не подумал тешить мое самолюбие узник. — Предпочитаю на всякий случай оставаться в форме. Мало ли что. Никогда не знаешь, в какой момент это пригодится.

— А-а-а, — протянула я в ответ.

Больше ничего не сказала, но, видимо, ему и без того удалось уловить в моем тоне нотку скептицизма. А может, дело было во все не в моем голосе, а в его собственных ощущениях. Так или иначе, узник сел на пол, уставился куда-то в стену, а потом глухо произнес:

— Я не идиот. И не сумасшедший. И отлично знаю, что никакого случая не представится и упражнения ничем мне не пригодятся. Тем, кто попал так глубоко, дорога назад заказана, ведь верно? — Он прикрыл глаза и прислонил голову к решетке. — Так что считай, что это просто дань привычке. Глупо?

— Нет, — твердо возразила я.

Когда человек, оказавшись в кругу давящих тюремных стен, разом лишается всего — свободы, денег, власти, любимых людей, знакомой обстановки, — привычки — это единственное, что остается у него от прежней жизни. Так что к ним можно и даже нужно относиться особенно бережно. Может быть, именно цепляясь за свои привычки, человек получает шанс сохранить здесь душевное здоровье.

— А что, ты привык ежедневно отжиматься? — осведомилась я.

— Нет, — отозвался заключенный. — Обычно я предпочитаю фехтование. Но меч мне здесь отчего-то не выдали. А жаль, — зло проронил он, видимо подумав о том, что был бы не против заколоть напоследок пару-тройку тюремщиков.

Я предоставила ему время сконцентрироваться на собственных мыслях, сама же спустилась пониже, чтобы лучше раз-

глядеть свое тело. И занервничала, увидев капли воды на подбородке и блузе... точнее сказать, тех лохмотьях, которые когда-то можно было назвать блузой.

— Ты опять это делал?! — с возмущением накинулась на узника я.

— Что — это? — нахмурился он. — Отжимался, что ли?

Прошло несколько секунд, прежде чем до меня дошло: парень действительно не понимает, о чем я говорю. Он же не может видеть, что я смотрю сейчас на свое тело.

— Ты снова пытался ее напоить? — Я заставила себя снизить ти до объяснений, борясь с высшей степенью возмущения.

— Пытался. — Узник даже и не думал отнекиваться.

— Но я же тебя просила этого не делать!

— А я ничего тебе не обещал, — спокойно ответил он.

— Слушай, тебе что, больше всех надо? — разозлилась я.

Узник передернул плечами.

— Это, знаешь ли, не то зрелище, за которым хочется наблюдать, сложа руки, — заметил он, кивая в сторону моего тела. — И потом, — в его голосе вдруг прорезались примирительные нотки, — ты же сама говорила, что не хочешь умирать. Человек не может жить без воды.

— Да не знаю я, чего хочу, — устало откликнулась я. Злость и желание препираться сразу куда-то улетучились. — Только знаю, что там, — я опять посмотрела на закованную в цепи девушку, — очень больно. Хуже, чем больно. Не знаю, как это передать.

Я замолчала, даже не пытаюсь найти нужные слова.

— Прости. — Он поднял глаза к потолку, будто пытался отыскать меня взглядом. Потом опустил голову. — Сказать по правде, я здорово испугался, когда, проснувшись, позвал тебя, а ты не ответила. Думал, то ли мне все вчера примерещилось, то ли...

Он махнул рукой.

— Я гуляла, — объяснила я.

— И как там? — спросил узник подчеркнуто безразличным тоном.

— Все как обычно, — ответила я. — Сегодня облака низкие. Дождь моросит.

Он молча кивнул и опустил голову совсем низко, сосредоточенно глядя в пол. Можно было бы решить, что заключенному нет никакого дела до того, что творится снаружи. Но я видела, как окаменело его лицо.

— А вообще ты прав, — сказала я, меняя тему.

— В чем? — Узник, хмурясь, поднял голову.

— В том, что надо поддерживать себя в форме и всегда быть наготове, — пояснила я. — Кто знает? Всякое может случиться.

Он едва заметно кивнул, но, как видно, скептически отнесся к моему внезапному приливу оптимизма.

— А ты... — Он раздраженно мотнул головой. — Послушай, как мне к тебе обращаться?

Что ни говори, вопрос на засыпку...

— Я не помню своего имени. Зови меня Эрта.

— Эрта?

— Ну по-древнеэндельски это означает «свеча», — пояснила я. — А по-ателлонски «эр» — это воздух. По-моему, подходящее имя для призрака. — Я поняла, что по какой-то непонятной причине оправдываюсь, и пресекла этот процесс, спросив: — А тебя как зовут?

Узник в сомнении пожевал губами, не уверенный, стоит ли отвечать на этот вопрос.

— А, что там! — махнул рукой он, вслух отвечая собственным мыслям. — Все равно это ни для кого не секрет. Андре. Андре Дельмонде.

— Что? — изумилась я. — Ты — граф Дельмонде?

— Так... — Изогнув брови в знак заинтересованности, заключенный принялся сверлить взглядом потолок, словно пытался отыскать меня и призвать к ответу. — Выходит, с твоей памятью дело обстоит не так плохо, как ты говоришь. Что-то ты все-таки помнишь.

— Конечно, что-то я помню, — фыркнула я. — Иначе мы не смогли бы с тобой разговаривать, поскольку я бы забыла значение слов. Я ничего не помню о себе, — пояснила я затем. — А в остальном по-прежнему знаю очень даже многое. Мне не нужно рассказывать, ни где мы находимся, ни какой сейчас год. И твое имя мне тоже знакомо.

— И что же ты обо мне знаешь? — осведомился Андре.

— Немного, — призналась я. И, задумавшись, стала перечислять: — Ты — граф, унаследовал титул довольно-таки давно, живешь далеко от столицы. Графство Дельмонде, если не ошибаюсь, лежит на самом севере Риннолии. Что еще? По возрасту тебе должно быть что-то около тридцати, но это и так видно...

— Двадцать семь, — уточнил он.

Я удивилась, поскольку по внешности дала бы ему скорее немного за тридцать. Но все люди выглядят по-разному, тем более, что те условия, в которых он оказался, понятны, не молодят.

— Ну вот, — сказала я вслух. — Да, и еще ты, кажется, являешься чьим-то опекуном.

— Антонию Сафэйра, — уточнил Андре. — Дочери покойного герцога Сафэйра. Да, знания у тебя вполне точные.

— А может быть, мы знакомы? — с внезапно проснувшейся надеждой спросила я. — Ты никогда меня раньше не видел?

— Нет, — покачал головой он.

— А ты присмотришься повнимательнее, — настаивала я. — Здесь же темно. Ну, и представь, что она... в несколько другом виде.

Андре снова покачал головой.

— Если бы мы были знакомы, я бы ее... тебя узнал. Нет, я уверен, что никогда раньше тебя не видел, — окончательно разочаровал меня он. — Но это неудивительно, я действительно живу далеко. И много лет не бывал в этих краях.

— Что, и в столицу не заглядывал?

Я знала, что тюрьма, в которой мы находимся, расположена за городской чертой, но при этом не слишком далеко от Катринга, столицы Риннолии.

— А что мне там делать? — Сокамерник как-то особенно болезненно поморщился. — Нет, я очень давно сюда не приезжал.

— А сейчас почему приехал?

Он сморщился еще сильнее.

— Спроси что-нибудь полегче. — Андре встал на ноги и прошелся по камере. В его движениях, откровенно резких, чувствовалась нервозность. — Приехал, потому что меня вызвали. Как я теперь понимаю, именно затем, чтобы отправить сюда.

— Расскажи, — предложила я. — Или не хочешь? Я пойму. Все равно не могу отплатить откровенностью за откровенность.

Едва заметное пренебрежительное пожатие плечами — дескать, с чего бы ему делать из этого секрет? Все равно хуже его положение уже не будет.

Андре сел на пол в углу камеры, подтянул ноги и запрокинул голову.

— Ты правильно сказала: не так давно я стал опекуном Антонию Сафэйра. Мое графство находится в землях герцога Сафэйра, ее отца. Мой замок и его дворец расположены недалеко друг от друга. Мы были с покойным герцогом в хороших отношениях, приятельских, чтобы не сказать больше. Наверное, в полноценную дружбу они не переросли исключительно в силу разницы в возрасте. Он был старше меня на двенадцать лет. Это проявлялось в ряде вещей. Но мы общались много и к взаимному удовольствию. А кроме того, я хорошо ладил с его

дочерью. Вообще, я не слишком умею общаться с детьми, обычно понятия не имею, как себя с ними вести. Но с Тони мне почему-то удавалось найти общий язык. К тому же она не маленький ребенок, а подросток, и весьма любознательный; с ней было интересно поговорить о разных вещах.

Он запустил руку в волосы и помолчал, думая, к чему переходить дальше.

— Когда герцог умер от тяжелой болезни, я прибыл на церемонию оглашения завещания исключительно в знак дружбы с покойным. Для меня явилось полнейшей неожиданностью, что он завещал мне опеку над своей дочерью. Как правило, на роль опекуна назначается ближайший родственник, в данном случае это Гастон Аделяр, дядя Тони, младший брат ее покойной матери. Я же не являюсь им родственником ни с какой стороны, и при этом разница в социальном положении у нас порядочная. И тем не менее герцог распорядился так, как считал нужным, и оспаривать это его решение никто не рискнул. Так я стал опекуном девочки. Чувства испытывал, сказать по правде, весьма двойственные. Я был рад как-то отплатить герцогу за его расположение, да и помочь Тони тоже хотел. Позаботился о том, чтобы у нее были самые лучшие учителя, чтобы она ни в чем не испытывала недостатка. Но статус опекуна, признаться, успел основательно меня вымотать. На это требовалось слишком много сил. Хитрость заключается в том, что к девочке прилагается еще и герцогство. При этом мне оно, ясное дело, не принадлежит, но вот заниматься его делами должен именно я. Был должен, — мрачно поправился он. — Знаю, многие завидовали внезапно свалившемуся на меня «счастью», но в действительности везение весьма сомнительное.

— А надо было наворовать как следует, — посоветовала задним числом я. — Приложился бы основательно к герцогской казне — и сразу ощутил бы все преимущества своего положения.

— Я не имею привычки воровать, — довольно агрессивно отрезал Андре. — Я ни в чем не нуждаюсь, а если бы даже нуждался, нашел бы способ обеспечить себя законным путем.

Сомнительный повод для гордости со стороны тюремного узника. За воровство его бы наказали куда менее сурово. Но вслух я этого говорить не стала. Вместо этого заметила:

— Как я понимаю, все это — предисловие?

— Да, — подтвердил сокамерник, отрываясь от собственных мыслей. — Я пробыв опекуном Тони чуть больше года. Недавно

ей исполнилось четырнадцать. А три недели спустя я получил письмо, подписанное королем.

— Самим королем? — впечатлилась я. — И что же было в этом письме?

— Меня в срочном порядке вызывали в столицу. — Андре инстинктивно сжал руки в кулаки, так что побелели костяшки пальцев. — Для обсуждения каких-то вопросов, касающихся госпожи Сафэйра и наследования герцогского титула. Я должен был прибыть к королю на аудиенцию в качестве представителя девушки.

— А саму Антонию в столицу не вызвали? — уточнила я.

— Нет, — покачал головой Андре. — Но это-то вполне естественно. Для улаживания каких бы то ни было вопросов и формальностей всегда бывает достаточно опекуна. Так что беспокоиться тут было не из-за чего. Да и потом, даже если бы я насторожился... — Он безнадежно махнул рукой. — Кто же отказывает королю?

— А ты вполне уверен, что письмо было подписано королем?

— Да я уже ни в чем не уверен! — выпалил он, резко дернув головой. — Впрочем, какая разница? Не верю, что меня могли бы упечь сюда без ведома короля. Так что, скорее всего, и письмо было настоящее.

— Логично, — согласилась я.

Граф и опекун юной герцогини? Конечно, такого человека не могут бросить за решетку без ведома его величества. А если даже и попытаются, королю доложат обо всем очень быстро.

— Значит, ты получил письмо и выехал в столицу, — подытожила рассказанное я. — Что было потом? Ты попал на аудиенцию к королю?

— Нет, — с горьким смешком ответил он. — Меня взяли на въезде в город. Специально поджидали, это очевидно. Знали, с какой стороны я приеду. Сразу же арестовали и отвезли в городскую тюрьму.

Городскую. То есть мое изначальное предположение верно: сюда он попал не сразу.

— Была возможность убежать? — уточнила я.

— Наверное, была, — морщась, признался он. — Но на тот момент я еще не понял масштабов беды. Все это казалось мне лишь досадным недоразумением. Я был раздражен, разгневан, но не более. Арест был произведен совершенно официально, соответствующим образом уполномоченными людьми. Мне и в голову не пришло устраивать у самых городских ворот резню с последующим побегом.

— Понимаю. — Это действительно было понятно, хотя, подзреваю, сейчас он клял себя на чем свет стоит за то, что поступил тогда так разумно. — Тебя отвезли в тюрьму. Но не в эту. Что было дальше? Тебе предъявили какое-нибудь обвинение?

Андре тихонько рассмеялся, только веселья в этом смехе не было ни капли.

— О да, предъявили, и еще какое! — энергично заверил он, после чего вмиг посерьезнел. — Меня обвинили в том, что я со-вратил Антонию Сафэйра. Воспользовавшись своим положением и ее зависимостью. Изнасиловал ее, а потом долго и методично развращал всевозможными способами. — На месте он не усидел, вскочил на ноги, прошел по камере несколько шагов и, остановившись, уставился в стену. — Честно говоря, я целиком обвинение не читал. Я только начал и... В общем, у меня задрожали руки и потемнело в глазах, — нехотя признался он. — Так что я разорвал бумагу, не вникая в подробности. Успел только понять, что человек, составлявший документ, обладает чрезвычайно богатым воображением. И описывает все так, будто по меньшей мере держал свечу.

— Ясно. И что потом?

— Мне предъявили обвинение. Когда я поинтересовался, почему меня предварительно даже не допросили, ответили, что в этом не было нужды. Дело и так предельно ясное. Приговор — пожизненное заключение в Мигдальской тюрьме. На следующий день после его оглашения меня перевели сюда. Вот, собственно, и все.

Андре глубоко вздохнул и, повернувшись, облокотился о решетку.

— Ты не находишь это занятным? — задумчиво проговорила я.

Андре поднял голову, непонимающе глядя перед собой. Ничего занятного он в своей истории не находил.

— Мигдаль известен как тюрьма для политических заключенных, — пояснила я. — Отсюда особые условия, изоляция, специальный отбор стражников. А тебя вдруг берут и сажают сюда за изнасилование!

— Согласен, неувязка, — подтвердил сокамерник. — Однако уверен, в случае надобности у них найдется объяснение этой странности. Официально тюрьма не только для политических, к тому же в другой могло просто не оказаться свободной камеры.

— Угу, — скептически хмыкнула я. — Давай тогда так... Судя по твоим интонациям, никаких реальных оснований у твоего обвинения нет?

— Да как ты смеешь?! — вскинулся он.

— А что? — равнодушно отозвалась я. — Хочешь меня за это ударить?

Он дернул головой, как от пощечины. И более спокойно пробурчал:

— Не было никаких оснований. Я, конечно, не монах и не ангел во плоти, но предпочитаю иметь дело со взрослыми женщинами, а не с детьми.

— Но, может быть, у людей появился повод тебя заподозрить? Может быть, девочка сама что-нибудь наболтала? У подростков бывает богатая фантазия и к тому же весьма своеобразное представление о романтике.

— Она нормальная, адекватная, умная девушка, — отрезал Андре, ясно давая понять, что продолжать дискутировать на эту тему не собирается. — И ей четырнадцать, а не три.

— В таком случае, может быть, пищу для слухов дал какой-нибудь пустяк? — продолжала прощупывать почву я. — Не знаю, ты приобнял ее в знак привязанности, а слуги поняли это превратно? Она поцеловала тебя в щеку в порыве чувств?

— Ты находишь это достаточным основанием для подозрений в изнасиловании? — мрачно фыркнул он. — Да нет, не было ничего подобного. Я всегда вел себя предельно корректно. В рамках этикета. Она тоже.

— Ну что ж, в таком случае все понятно, — удовлетворенно заключила я.

Андре вопросительно изогнул брови.

— Кажется, у меня проблемы с пониманием логического мышления призраков, — констатировал он.

— Тебя подставили, — пояснила я, умышленно проигнорировав его иронию. — Причем, вероятнее всего, поработали над этим два мало связанных между собой человека. Один — достаточно близкий к тебе. Второй — отсюда, из столицы. И высокопоставленный.

— Продолжай, — сосредоточенно кивнул Андре.

Кажется, хотел сравнить мои выводы со своими собственными.

— Ладно. Раз никаких более или менее объективных причин для обвинения нет, значит, от тебя решили избавиться, — принялась рассуждать вслух я. — Вопрос заключается в том, кому это было выгодно. Один такой человек приходит на ум сразу: дядя твоей подопечной. Ведь именно он рассчитывал стать ее опекуном и наверняка считает твое назначение страшной несправедливостью. С его точки зрения ты перебежал ему дорогу.

Почему бы не отплатить тебе тем же? Как я понимаю, теперь, когда тебя лишили опекуна, контроль над герцогством переходит в его руки. Это очень весомый мотив. Так что логично предположить, что именно он настроил на тебя донос. Что скажешь, понятна тебе логика призраков?

— Пока да, — кивнул он. — Продолжай.

Судя по реакции, ничего нового я для него не открыла. Видимо, выводы совпадают. Ладно, продолжим.

— Простейшая схема донос—арест—наказание здесь бы не сработала. Ты как-никак аристократ, а не простой лавочник. Если бы жертва была из простого народа, на кляззу вообще бы внимания не обратили. Учитывая же, что речь идет о девушке, унаследовавшей герцогство, дело бы, конечно, рассмотрели. Но сделали бы это основательно, а не так, как ты рассказываешь. Допросили бы тебя, расспросили девушку, свидетелей. Если до выдвижения обвинения вообще дошло бы дело — в чем я сомневаюсь, — то это было бы сделано в ходе законного суда. Короче говоря, ничего бы у этого кляззника не получилось, — высказала свое мнение я, — если бы не нашелся очень высоко сидящий человек, который ухватился за этот донос. У тебя есть враги в ближайшем окружении короля, среди самой верхушки?

— Нет, — вздохнул Андре, снова запуская руку в волосы.

Мой очередной вывод тоже не явился для него неожиданно.

— Не думаю, что ты помешал кому-то как граф Дельмонде, — протянула я. — Если не ошибаюсь, графство это маленькое, провинциальное, находится далеко. Скорее всего, и тут причина в герцогстве. Кому-то здесь, в столице, ты мешал именно на месте опекуна Антонии Сафэйра. Кстати, раз ее отец был герцогом... Насколько она близка к трону?

— Близка. — Губы Андре на секунду скривились в слабом подобии усмешки. — Она — вторая наследница после дяди короля.

— М-да. Тебе не позавидуешь, — заключила я.

— Я уже догадался, — невесело отшутился сокамерник.

— Ну как, похожа логика призрака на человеческую? — заинтересовалась я.

— Похожа, — признал Андре и совсем тихо добавил: — Очень похожа. А ты неплохо разбираешься в интригах, — громче заметил он. — Любопытно, откуда у тебя такие глубокие познания?

— Не знаю, — растерянно, будто извиняясь, ответила я. — Не помню.

ГЛАВА 2

Когда я умер, ты был так рад,
Ты думал — я не вернусь назад.
Но я пробрался однажды в щель между строк,
Я взломал этот мир, как ржавый замок.

Канцлер Ги. Тень на стене

Обход проводился, как и всегда, в полдень. Впрочем, время имело здесь, в самых недрах цивилизованного мира, весьма условное значение. От солнечного света нас отделяло несколько этажей. Так что люди здесь спали, когда спалось, и бодрствовали, когда бодрствовало, быстро утрачивая возможность следить за временем.

Стражники, как и обычно, пришли вдвоем — один высокий и тощий, второй пониже ростом и потолще. Принесли миску с едой и кружку воды. Все это в одном экземпляре, для моего сокамерника.

Помещение ненадолго осветилось ярче обыкновенного. Один стражник нес в руке горящий факел, а второй в придачу заменил тот, что недавно потух в коридоре. Первый осветил камеру, поднеся свой факел поближе к решетке.

— Преставилась, что ли? — проговорил он, приглядываясь к моему телу. — Эй, Брен, посмотри!

Второй, закончив возиться у стены, отряхнул руки и подошел поближе.

— Да мне-то почему знать? — проворчал он, щурясь и вытягивая шею. — Может, преставилась, а может, и нет. Да не, кажется, дышит...

— Да где дышит-то? — не согласился первый.

— А что гадать? — отозвался Брен. — Ты у этого, у сокамерника ее спроси. Эй, парень, дышит она или нет? — обратился он к Андре, не дожидаясь, пока это сделает его напарник.

— Дышит, — хмуро отозвался Дельмонде, подходя к решетке. — Вы бы лучше сняли ее с цепей. Не видите, что ли, в каком она состоянии? Какого дьявола нужно так ее мучить?

— Нашелся тоже совестливый, — огрызнулся долговязый стражник. — Нечего нас тут поучать. Как приказано, так ее и содержат.

— А вообще любопытно, верно? — обратился к нему Брен. — Девчонку он за все это время так и не тронул. Хотел бы я знать почему. Может, он не по женской части? Ну а что, кто их, аристократов, разберет?

— Да ну, не факт, — горячо возразил долговязый. — Может, у мужика просто интуиция хорошо развита. Чувствует опасность, вот и не подходит.

— Ну, не знаю, — протянул первый. — Интуиция интуицией, но вот я бы на его месте, наверное, не удержался.

— Я понимаю, это чрезвычайно занимательный разговор, — голос Андре буквально дрожал от еле сдерживаемой злости, — но вам не мешает мое присутствие?

Последние слова он почти прокричал. Лицо покраснелось от гнева, а руки сжались в кулаки.

— Да нет, не мешает, — вполне искренне ответил Брен, будто принял вопрос за чистую монету. А может, так оно и было. — А чем оно может нам мешать? Ты же там, а мы здесь.

И, пожимая плечами в знак непонимания, он зашагал прочь вместе с напарником. Мы с Андре снова остались одни.

Оба молчали. Я вышла из себя почище чем сокамерник, хотя все это время и не подавала голос. «Вышла из себя»... Чудесное выражение, особенно для призрака. Я давно уже вышла из себя, причем в буквальном смысле слова. Болтовня стражников напомнила мне, в каком беспомощном положении я оказалась. В случае нападения я ничего не смогу противопоставить обидчику, даже банальную и безобидную пощечину. Ну, разве что громко крикнуть в самое ухо. С другой стороны, физически я и чувствовать ничего не буду. Могу просто взять и уйти куда-нибудь... Но не уйду же.

— Эрта! — позвал Андре.

— Что? — напряженно спросила я.

— Что они имели в виду, когда говорили про интуицию? Якобы я чувствую опасность...

— Не знаю. — Я ответила охотно, благодарная за то, что из всего сказанного стражниками сокамерник сконцентрировался только на этом. — Может быть, я опасная преступница? Нет, кроме шуток, — продолжала я, видя скептическое выражение его лица. — Ты ведь ничего обо мне не знаешь. И я о себе — тоже. Кто, собственно, сказал, что я — невинная жертва? Вполне возможно, что я заслужила все то, что со мной произошло. Может, я убивала детей? Или заманивала в ловушку наивных девушек, а потом продавала их в дома свиданий?

Выражение лица Андре оставалось таким же скептическим, как и прежде.

— В таком случае эти ублюдки не решили бы, что ты представляешь опасность для меня, — напомнил он. — Я, если ты не заметила, не ребенок и не наивная девушка.

— Ладно, — согласилась я, прикидывая, какие такие преступления могла совершить, чтобы прослыть грозой взрослых и не наивных мужчин. — Тогда, может быть, я — серийный убийца? Маньячка, ненавидящая мужчин? Отравительница?

— А ты сама как думаешь? — спросил Андре, вытягиваясь на соломе. В голосе слышалась легкая насмешка. — Способна ты на преступление? На убийство?

— Трудный вопрос, — честно ответила я. — Откуда мне знать, на что я была способна тогда? И вообще, какой я была... при жизни? Насколько я отличаюсь сейчас от себя прошлой? Скажем откровенно: я могла быть абсолютно кем угодно. Хоть герцогиней, хоть дояркой, хоть сводней, хоть убийцей.

— Ну а как тебе представляется сейчас? — продолжал гнуть свою линию Андре. — Способна ты на убийство? Я не о возможности, а... в силу характера?

Я задумалась вполне серьезно, словно речь не шла о чисто теоретическом разговоре.

— Думаю, что способна, — заключила наконец. — Не для удовольствия, конечно, и не из-за ерунды. Но если бы возникла такая необходимость... Да, подозреваю, что способна, — снова сказала я.

— Понимаю, — кивнул он, кажется, без неодобрения. — И тем не менее хочу напомнить тебе твои собственные слова. Эта тюрьма — не для криминальных элементов, а для политических заключенных. Особенно нижние этажи. Так что твоя романтическая история про маньячку-мужененавистницу очень маловероятна.

— Ты находишь это романтичным? — хмыкнула я. — Неудивительно, что ты не женат.

— Я как-то никогда к этому не стремился, — откликнулся Андре. И мрачно закончил: — А больше этот вопрос актуальным не станет.

— Тише! — сказала вдруг я, прислушиваясь к звукам, которые пока еще не могли достичь ушей живого человека.

— В чем дело? — Нахмурившись, Андре резко принял сидячее положение.

— Сюда идут.

— Ты уверена?

— Да. Ну, если только они не собираются пройти мимо. Несколько человек... Трое или четверо.

Их оказалось трое. Те же стражники, что и в прошлый раз, и с ними человек, которому мы, собственно, и были обязаны этим внеплановым визитом. Высокий, худой брюнет с орлиным но-

сом, чуть тонковатыми губами, сжатыми сейчас, словно в знак недовольства, и темными глазами, смотревшими на окружающих пронзительно и одновременно с легким налетом презрения. Одет он был с иголки, в идеально выглаженный черный камзол с золотым шитьем по краям, белую рубашку и черные брюки, будто явился на бал, а не в тюрьму.

Я настороженно застыла на своем привычном месте под толчком, над собственной головой, и старалась никак не проявлять свое присутствие. Да, я уже успела выяснить, что могу контролировать, кто именно услышит мою речь. Могу говорить так, чтобы слышали все присутствующие. Могу — так, чтобы слышал только Андре. И тем не менее сейчас я боялась пошевелиться. Ибо отлично понимала, что брюнет в черном костюме — это, возможно, единственный человек, который способен меня вычислить.

И еще: я точно знала, что он пришел сюда из-за меня. Хочет посмотреть, жива я до сих пор или уже нет. Я очень отчетливо помнила, как этот самый человек приходил сюда вскоре после того, как я — по-своему — умерла. Он был одет очень похоже, точно так же, с иголки, умудряясь выглядеть одновременно франтовато и по-деловому, только в темно-синий сюртук. Брюнет вошел в камеру, сопровождаемый одним из стражников, державшим факел. Подошел ко мне очень близко, почти вплотную, и стал осматривать, сперва визуально, потом магически. Заставил стражника поднять мне голову — тот был испуган и пытался отказаться, но одного лишь намека на недовольство во взгляде брюнета оказалось достаточно, чтобы заставить его подчиниться, — оттянул мое веко, потом отошел на один шаг и принялся водить руками, что-то проверяя при помощи магии.

— Она мертва, — произнес он наконец, отступая еще на пару шагов.

В его голосе слышалось удовлетворение, а во взгляде смешалась такая гамма чувств, что я не рискнула бы полноценно ее охарактеризовать. Здесь и злорадство, и облегчение, и восторг, и одновременно разочарование. Ненависть и презрение вперемешку с уважением и, кажется, даже желанием. Будто он всеми силами добивался именно такого итога, но втайне надеялся, что я не сдамся так быстро. Вот только он не знает, что я еще не сдалась.

— Но, господин альт Ратгор, — нерешительно проговорил стражник, — она же дышит.

Он тут же опустил глаза и весь напрягся, осознав, что совершил непозволительное: вступил в спор со знатным вельможей, к тому же еще и магом. Но тот остался равнодушным к данному нарушению субординации. Не исключено, что ему даже была

приятна предоставленная возможность высказать свою оценку ситуации вслух.

— Дышит, ну так что? — холодно отозвался маг. — Бывает. И тем не менее ее душа покинула тело, это абсолютно точно. Тело еще немного поживет по инерции. Такой эффект дала защита. Но это уже не важно. Она теперь все равно что растение, которое по-своему живо, но лишено разума и чувств. Пройдет какое-то время, и тело умрет.

— Как прикажете действовать до тех пор? — осторожно и с должной почтительностью осведомился второй стражник, тот, что оставался у двери камеры.

— Никак. — Альт Ратгор небрежно повел плечом. — Держите ее, как держали. Когда ее сердце перестанет биться, известите меня. Вот и все.

— Следует ли давать ей еду и воду? — спросил первый стражник.

Маг взглянул на него удивленно и одновременно пренебрежительно, как на ненормального.

— Разумеется, нет, — фыркнул он.

Альт Ратгор бросил на меня последний взгляд, потом развернулся и ушел, сопровождаемый старающимися всячески угодить ему стражниками. А я осталась на своем месте, над головой безжизненно висящего на цепях тела, и мстительно думала, глядя ему вслед: «Ты слишком рано радуешься, маг. Не знаю, что связывало нас с тобой в прошлом, но ты ошибся. Я еще жива. Даже растения способны порой чувствовать. Даже камни. А я не камень и не растение и все еще способна мыслить и испытывать эмоции. Когда-нибудь и тебя настигнет в этой жизни неприятный сюрприз».

В этот раз он снова вошел в камеру. Один стражник, обнажив меч из соображений безопасности, встал между посетителем и Андре, другой освещал помещение. Повинуясь жесту мага, последний приблизился к моему телу и поднял факел повыше. Альт Ратгор внимательно на меня посмотрел. Видимо, ничего для себя нового или неожиданного не обнаружил. Коротко кивнул своим мыслям. Потом обернулся к Андре.

— Ты замечал что-нибудь необычное за то время, что здесь сидишь? — спросил он.

Андре, давно уже поднявшийся на ноги, удивленно изогнул брови.

— Не припомню, чтобы мы пили на брудершафт, — с вызовом заявил он.

Стражник приготовился нанести удар, Андре — ответить, хотя ничем хорошим это для него закончиться не могло. Но маг едва заметно отрицательно повел головой, заставляя охранника остановиться.

— Прошу прощения. — Насмешка в его голосе если и была, то едва заметная. — Итак, не обратили ли вы внимание на что-нибудь необычное? Изменение в ее состоянии? Какие-либо странные явления?

Я напряженно следила за разговором. Сейчас сердце должно было бы забиться так часто, чтобы заглушить своим отдающим в ушах стуком все прочие звуки. Вот только у меня — нынешней — не было сердца.

Андре безразлично пожал плечами.

— Никаких изменений не заметил. Она все время выглядит так же, как сейчас. А странности... Странно, что она до сих пор дышит, учитывая, что ей не дают ни еды, ни питья.

Альт Ратгор пристально посмотрел на него, потом коротко кивнул.

— Что ж, благодарю за помощь.

Утратив к нам всякий интерес, маг вышел из камеры. Стражники поспешили за ним.

Я подождала, пока стихнет звук шагов. Потом, ни слова не говоря, вылетела из камеры и устремилась вслед за магом. Удостоверилась в том, что он поднялся на несколько этажей и действительно выходит из тюрьмы, и с чувством облегчения вернулась назад.

— Спасибо! — сказала я сокамернику, привычно пристроившись под потолком.

— За что? — поднял голову Андре.

— Ты меня не выдал.

— С какой стати мне было это делать? — удивился он.

— Да мало ли. Кто я тебе, в сущности? Не жена, не невеста, не сестра. Совершенно посторонний призрак. Ты мог бы попытаться выторговать для себя какие-нибудь поблажки в награду за ценную информацию.

— Неужели? И какие? — с фальшивым воодушевлением поинтересовался Андре. — Вроде лишнего куска хлеба в придачу к здешней каше?

— Ты не успел как следует наголодаться, — хмуро усмехнулась я. — Со временем поймешь, что лишний кусок хлеба в день — это тоже совсем не мало.

— Может, ты и права, — равнодушно отозвался сокамерник. — Но я не собираюсь пресмыкаться перед кем бы то ни

было ради этого хлеба. Тем более сдавать своих таким, как Йорам альт Ратгор.

— А разве призрак может быть своим? — поинтересовалась я.

— А почему нет? — откликнулся Андре. — Лучше скажи, почему считаешь информацию, которой я располагаю, настолько для него ценной.

— Не знаю, — в отчаянии ответила я, сбившись со счета, в который раз за последнее время произношу эти слова. — Но почему-то для него это важно. Он меня ненавидит. И ждет моей окончательной смерти. Хоть и считает, что фактически меня уже нет. И, наверное, он где-то прав.

— Спорный вопрос, — возразил сокамерник. — Любопытно, почему твоя судьба так для него важна. Не думаю, что глава магического ведомства Риннолии многих посещает в тюрьме.

— Не знаю, — только и могла повторить я. — А ты бы в следующий раз поостерегся провоцировать этих скотов. Они ведь ударят безоружного мечом и не дрогнут. Да и потом им ничего не будет, учитывая социальный статус таких, как мы с тобой.

— В общем-то ты права, — поморщился Андре. — Но иногда мне кажется, что так даже лучше. Не думаю, что меня долго продержат здесь в живых. Не уверен, конечно, но... вероятность три к двум, что мне рано или поздно устроят какой-нибудь несчастный случай. Погиб во время драки. Редко ли такое бывает в тюрьме? А если так, уж лучше я буду бороться в этот момент. А не подставлю кинжалу спину.

— Понимаю, — согласилась я. И, немного подумав, добавила: — Знаешь, если тебя действительно убьют... Попробуй меня подождать. Не думаю, что я задержусь здесь еще надолго. Пойдем дальше вместе. Ты не против?

Андре очень серьезно посмотрел под потолок, как раз туда, где я находилась.

— Нет, — ответил он, — не против.

За ним пришли через два дня. Снова стражники, снова в нестандартное время. На этот раз трое. Прежде чем вывести его из камеры, на руки надели кандалы.

— Ну вот, кажется, и оно, — тихо сказал Андре, повернувшись к стене. Вроде бы как бормотал себе под нос, но я-то знала, что он обращается ко мне. И подлетела совсем близко, чтобы все слышать. — Если не вернусь, то прощай. И... держись. Ты же не так просто выжила.

Стражник, не церемонясь, схватил его за плечо и толкнул к выходу.

— Я пойду с тобой! — решительно заявила я.

Ясное дело, охрана меня слышать не могла.

Я вылетела из камеры сквозь решетку и последовала за ними. Мы прошли по коридору, потом поднялись на два лестничных пролета. Дальше снова был коридор, гораздо лучше освещенный, чем наш. Я видела, как Андре щурится с непривычки. Потом его ввели в какую-то комнату. Двое стражников остались снаружи. Тяжелую, толстенную дверь сразу же закрыли. Я попыталась просочиться внутрь, но не тут-то было. Как будто натыкаюсь на стену. Причем не на ту, каменную, которую мне ничего не стоит преодолеть, а невидимую. Магическую. За время своего призрачного существования я столкнулась с подобным впервые. Впрочем, не так уж и много я перемещалась в качестве призрака. Так или иначе, меня эта оболочка не пропускала. Я облетела камеру со всех сторон. Даже попробовала проникнуть туда сквозь потолок. Не вышло. Поэтому я осталась ждать снаружи, вместе с не подозревающими о моем присутствии стражниками. А вскоре из-за двери послышались крики.

Звук был приглушенный, на грани слышимости, но я отлично понимала: для того, чтобы он проник в коридор из хорошо изолированной комнаты, кричать должны громко. Сомнений касательно того, кто именно кричит, тоже было мало. Я вдруг пожалела о том, что не могу заткнуть уши. Но стоило мне об этом подумать, как пришло понимание: даже если бы такая возможность была, я все равно бы этого не сделала. В конце концов, спрятать голову в песок мне легче легкого и сейчас: вернулась в камеру, и все, никакой слышимости. Но я оставалась здесь, у самой двери, над головами привычно скучающих стражников, и металась из стороны в сторону до самого конца.

Сколько прошло времени, не знаю, я вообще плохо его ощущала теперь, когда стала призраком. Полчаса, сорок минут, час? Не могу сказать наверняка. Крики наконец стихли. Спустя еще какое-то время дверь приоткрылась, стражников позвали внутрь. Я попыталась проскользнуть в помещение вместе с ними, но натолкнулась все на ту же незримую стену. Впрочем, ждать уже оставалось недолго. Стражники почти сразу же вышли обратно в коридор. Андре несли на руках. Он был без сознания. Рубашка порвана еще в нескольких местах, лицо перепачкано текущей из носа кровью. Кандалы сняли. На запястьях и щиколотках — следы от врезавшихся в кожу веревок. Я подлетела к самым его губам, чуть-чуть приоткрытым. Прислушалась. Дышит.

Его протащили вниз по лестнице, поволокли по коридору и забросили в камеру, как тяжелый и неудобный предмет.

И ушли, сетуя на то, что кровь перепачкала им рукава и неизвестно, легко ли отстирается пятно. А у одного из стражников стиркой занимается дома теща, и она страшно сварливая...

Андре так и лежал на полу, как его бросили, не шевелясь и не подавая признаков жизни. Если бы я могла, вытащила бы его подвернувшуюся под бок руку, вытерла бы с лица кровь. Ну вот, мрачно подумалось мне, поотжимался? Поддержал физическую форму?

— Андре! — позвала я.

Никакой реакции. Я решила немного подождать. Нервничая, принялась метаться из угла в угол. Бессмысленное занятие. Дань памяти о прошлой жизни. Сейчас оно не занимает времени и совсем не расходует силы. Стоит мне подумать о том, чтобы переместиться к противоположной стене камеры, и я уже там. Так что от волнения это не отвлекает и ни в малейшей степени не помогает.

Вскоре я снова позвала Андре. Он даже не шевельнулся. За-нервничав еще сильнее, я позвала громче. Опять и опять. Неужели умер? Запытать человека до смерти в этих застенках палачу ничего не стоит, явление нередкое. А почему я, собственно говоря, так переживаю? Я ведь и сама уже умерла.

— Андре! — что есть мочи заорала я.

Подлетела к нему совсем близко, пытаюсь определить, дышит или нет. Я чувствовала себя как никогда беспомощной, не имея возможности ни потормозить его, ни дать воды, ни похлопать по щекам.

— Андре! — снова закричала я, на этот раз в самое ухо.

— У меня сейчас лопнут барабанные перепонки, — проговорил он, с трудом ворочая языком.

И лишь после этого открыл глаза.

— Черт бы тебя побрал! — в сердцах ругнулась я, испытывая чувство огромного облегчения. — Что же тогда не отзывался? Я уж подумала, что ты умер.

— Никогда не думал, что скажу это призраку, — пробормотал Андре, переворачиваясь в более удобное положение, — но ты и мертвого поднимешь.

Он застонал от боли, которую причинили ему движения, и снова прикрыл глаза.

— Только не вздумай сейчас заснуть! — рявкнула я.

Андре поморщился, не поднимая век.

— Не бойся, в ближайшее время мне это точно не грозит. Только, ради бога, говори потише. Если я оглохну, как мы будем с тобой общаться?

Поскольку эмоции отражались на громкости моей речи, а их по-прежнему было хоть отбавляй, я на всякий случай отлетела от него подальше.

— Скажи, Эрта... — Андре облизал пересохшие губы и сильно поморщился, ощутив вкус обильно залившей лицо крови. — Ты была там со мной?

— Нет, прости, — глухо ответила я. — Я хотела, но вокруг той комнаты стоит плотная магическая завеса. Я не смогла через нее пройти, даже в открытую дверь.

— Тем лучше, — удовлетворенно кивнул сокамерник.

Ах вот оно что. Отчего-то мне сразу не пришло это в голову. Сильные мужчины ненавидят, когда их видят в минуту слабости.

— Ты что-нибудь слышала? — спросил Андре, снова хмуясь.

— Нет, — соврала я. — Наверное, там стоит защита от прослушивания.

Едва заметное движение головой, заменившее кивок. Теперь он позволил себе расслабиться. Было бы из-за чего напрягаться на фоне того, что он пережил, но... Характер есть характер.

— Меня там не было, но я догадываюсь, что произошло, — осторожно сказала я. — Что им было нужно? Они пытались вытянуть из тебя какую-то информацию?

Андре сильнее зажмурил и без того закрытые глаза, сжал губы и покачал головой.

— Они не задали ни одного вопроса, — хрипло ответил он. — Там даже не было дознавателя, только охрана и палач. Не представляю себе, чего они добиваются.

Я, кажется, представляла. Но, может быть, не стоило говорить об этом прямо сейчас.

— Знаешь, — проговорил Андре после продолжительного молчания, — я очень тебе благодарен. — Он открыл глаза и уставился в потолок. — Только благодаря тебе я понимаю, что еще не сошел с ума. Ну разве не бред? — добавил он со смешком. — Я говорю это, обращаясь к голосу, который звучит под потолком!

Я хихикнула. Андре снова усмехнулся. Я рассмеялась. Его плечи затряслись. Вскоре мы оба хохотали в голос.

— А это еще что?!

В голосе возникшего в коридоре стражника звучала высшая степень изумления. Ну да, конечно, обычное время обхода. А мы даже не обратили внимания на их приближение.

— Чего это он?

Стражник в полнейшем недоумении обращался к своему напарнику.

— Наверное, после попыток умом тронулся, — неуверенно пожал плечами тот. — После первого раза такое редко бывает. Но случается.

— Понял? Ты умом тронулся! — пуще прежнего развеселилась я. Мой голос по-прежнему никто, кроме Андре, не слышал. — А говоришь, не сошел с ума!

Сокамерник снова расхохотался, заставив стражников вздрогнуть и понимающе переглянуться. Теперь в их взглядах отчетливо читался поставленный заключенному диагноз.

Как и обычно, заменив опустевшие миску с кружкой на новые, они удалились, обсуждая состояние узника.

— А знаешь, этим следует воспользоваться, — сказала я, отсмеявшись.

— Чем именно? — не понял Андре.

— Их собственным выводом, — объяснила я. — Стражники подали неплохую идею. Рассуди сам, — теперь мой голос стал предельно серьезным, — зачем тебя сегодня уводили? Они хотят тебя сломать. Тем, кому ты помешал, мало того, что они упрятали тебя сюда. Однако они предпочитают не брать на себя убийство. Все-таки ты опекун герцогини. Поэтому они пытаются сделать так, чтобы ты вроде бы и жил, но все равно что умер. Потерял рассудок. Утратил человеческий облик. Перестал быть даже потенциальным противником. Так покажи им, что именно это и произошло. Пусть думают, что ты сошел с ума. Тогда они оставят тебя в покое.

— Хм...

Андре с трудом приподнялся, схватившись за решетку, и дотянулся до кружки. Стал жадно глотать воду. Я испугалась, что он сейчас выпьет все, а потом будет мучиться от жажды целые сутки. Даже стало не по себе. Я-то знаю, что это такое — жажда. Останавливать его я все же не решилась, но он и сам перестал, выпив примерно половину кружки.

— Думаешь, они на это купятся? — с сомнением спросил Андре.

— Они уже купились, — оптимистично заметила я. — Нужно добавить совсем немного подтверждений — и дело сделано.

— И что ты предлагаешь? — нахмурился он. — Изображать из себя волка? С пеной у рта утверждать, что я — пророк? Сказать по правде, артист из меня так себе.

— А ты и не играй, — посоветовала я. — Просто нормально общайся.

— С кем?

— Со мной, разумеется, — весело сказала я.

Стражники вернулись двумя часами позже, и вместе с ними пришел щедедушный человечек лет сорока. У него была аккуратная аристократическая бородка, призванная придать солидности, но как-то совсем нелепо смотревшаяся на фоне мелких черт и угодливого выражения его лица. Это был тюремный врач, которого привели для проверки заключенного и определения диагноза.

— Тридцать минус девять! — приступила я, едва визитеры приблизились к двери камеры.

— Здравствуйте, господин Дельмонде, — вежливо обратился к Андре врач.

— Двадцать один, разумеется! — ответил мне Андре.

— Что, простите? — не понял врач.

— Два умножить на восемь? — продолжала я.

— Шестнадцать! — проявил математические познания заключенный.

— Господин Дельмонде, вы меня слышите? — снова обратился к нему врач. — Меня зовут Ренуар Галон, я тюремный доктор.

— Двадцать четыре разделить на три, — заявила я, не дожидаясь окончания этой тирады.

— Что? — нахмурился Андре, которому оказалось сложно слушать нас с врачом одновременно. — Вы мне мешаете! — обратился он к Галону. — Я прохожу экзамен!

— Какой экзамен? — заинтересовался врач.

— По математике, — сообщил Андре.

— Двадцать четыре разделить на три, — лениво повторила я, растягивая слова.

— Восемь, — торжественно произнес Андре.

— Ладно, математику ты знаешь, — милостиво признала я. — Переходим к естествознанию. Скажи, какой у этого доктора цвет глаз.

— Ну и вопросы при такой-то темени, — проворчал Андре, после чего, прильнув к решетке, принялся вглядываться в глаза Галона.

Тот стал переминыться с ноги на ногу, явно чувствуя себя не в своей тарелке, а потом немного отошел.

— Не успел, — вздохнул Андре.

— Неуд! — радостным тоном преподавателя-сади́ста постановила я.

— Что не успели? — опасливо спросил Галон.

— Доктор, из-за вас я только что провалил экзамен! — возмутился Андре.

— По математике? — участливо спросил врач.
— По естествознанию! — припечатал Андре.
— Сколько будет тридцать плюс восемнадцать? — требовательно спросила я.
— И часто вы сдаете такие экзамены? — вкрадчиво поинтересовался доктор.
— Сорок восемь! — убежденно заявил Андре, выразительно глядя ему в глаза.
— Чем отличается рояль от ночного горшка? — задала каверзный вопрос я.
Андре эту загадку не знал. Видимо, среди аристократов она популярностью не пользовалась. Он хмурился, выискивая подвох.
— Не знаю, — признал он наконец.
— У, в таком случае тебя нельзя пускать в приличное общество! — ужаснулась я.
Андре рассмеялся.
Врач снова подошел к решетке поближе.
— Простите, пожалуйста, господин Дельмонде, а что вас так насмешило? — поинтересовался он.
Мы с Андре рассмеялись на пару.
— Все понятно, — постановил врач, поворачиваясь к стражникам.
Те закивали.
— Не расслабляйся! — рявкнула я Андре в самое ухо, что заставило его резко вздрогнуть. — Двадцать плюс три.
— Двадцать три! — с готовностью отрапортовал он.
Доктор и стражники удалились.
Больше за Андре не приходили.

ГЛАВА 3

Просто мы сегодня оказались похожи
Вопреки любым гороскопам Земли.

Канцлер Ги. Баллада про скелеты в шкафу

В первую ночь после пыток Андре спал как убитый. А вот к следующей, по-видимому, успел отдохнуть в достаточной степени, чтобы пропустить в свое сознание кошмары. Вернувшись после непродолжительной прогулки, я увидела, как он мечется во сне, вертит головой то вправо, то влево, беззвучно шевелит губами. Вскоре с них сорвался короткий стон.

Я спустилась к Андре поближе. Сама толком не понимая, что именно делаю и как собираюсь это исполнить, осторожно коснулась его сознания. И, постаравшись настроиться на сон, направила туда волну спокойствия. Расслабленности. Уверенности в собственной безопасности. Неожиданно для меня самой Андре притих. Голова перестала метаться из стороны в сторону, дыхание стало более ровным. Обнадеженная успехом, я решила продолжить. На этот раз добавила в сон немного солнечного света. Запах свежей весенней травы. Манящий огонек земляники, выглядывающей из-под листа. И так потихоньку, шагочка за шагочком, открыла дорогу к его собственным приятным воспоминаниям. К тем снам, вспомнив которые человек, может, и приходит к выводу, что это был полный бред, но которые при этом смотрит с наслаждением, поскольку видит и ощущает в них что-то *свое*.

Закончив, но так и не зная, насколько хорошо получилось, я вернулась на свое место и до утра сидела там. Андре проснулся в приподнятом настроении. Я бы сказала, даже в отличном, но все следует соотносить со спецификой нашего положения. На вопрос, как ему спалось, он ответил — чудесно. Я больше ничего на эту тему не сказала, но на следующую ночь снова спустилась к нему и повторила вчерашнюю процедуру. На сей раз это оказалось значительно проще; теперь я точно помнила, что и как надо делать.

Я стала воздействовать на сны Андре каждую ночь. Засомневалась в том, правильно ли поступаю, лишь однажды. Как-то утром (утром по нашему расписанию, безотносительно того, что творилось снаружи) Андре долго сидел, мрачно глядя в одну точку, а когда я спросила его, что случилось, ответил, что лучше бы не просыпался. Мне подумалось, возможно, я перестаралась. Жизнь была настолько безрадостна, что между снами и явью возникал чересчур сильный контраст. После хороших снов слишком тяжело просыпаться в темной тюремной камере. С другой стороны, уж если жизнь такова, какова она есть, пускай хотя бы сны будут хорошие. И большую часть времени они поднимали Андре настроение, а не наоборот. Поэтому я продолжала действовать, как прежде.

Андре сидел, прислонившись спиной к стене, и перебирал пальцами сухие соломинки. Он сильно похудел за время своего заключения, хотя от лишнего веса не страдал и раньше. Щеки и подбородок скрывала густая борода. Но чувствовал он себя значительно лучше. Настолько хорошо, конечно, насколько мо-

жет чувствовать себя человек, лишенный свежего воздуха и солнечного света и ограниченный в пище. Но после пыток он, во всяком случае, оправился. Даже возобновил кое-какие упражнения, правда, в более умеренном режиме.

— Что будем делать? — спросил Андре, глядя прямо перед собой. За эти недели он перестал всякий раз безуспешно искать меня взглядом. — Только предупреждаю: играть в города не буду. Думаю, за это время я зазубрил названия всех городов и городков на трех материках. Они набили мне оскомину.

— В города не будем, — согласилась я. Такое решение меня более чем устраивало; все равно я постоянно проигрывала сокамернику, как ни старалась. — Вот лучше скажи, куда бы ты прямо сейчас отправился, если бы отсюда вышел. Представь себе, что перед тобой открыли портал, позволяющий перебраться в любое место.

— Таких не бывает, — критически поморщился Андре.

— Не бывает, — подтвердила я. — А ты представь. Ну куда бы ты пошел? Только, чур, честно! Я — призрак, мне можно говорить как на духу! В трактир? В бордель?

— Домой, — оборвал поток моих вариантов Андре. — Домой, разумеется.

— В графский замок? Или в герцогский дворец? — уточнила я.

— Я же сказал: домой, — повторил он. — Герцогский дворец — это не дом. Скорее уж работа. Нет, если бы я мог уйти туда, куда захочу, забурился бы в свою спальню или свой кабинет, какие к черту бордели или трактиры. В конце концов, еду, выпивку и женщин могут доставить и туда.

— Логично, — признала я.

— А ты бы куда отправилась? — осведомился Андре, закладывая руки за голову.

— Почему мне знать? — откликнулась я. — Я ведь никаких мест не помню. А за время своего пребывания здесь только и видела, что тюремный двор да окружающие башню леса. Туда не хочу, там неинтересно.

— Ладно, тогда пошли со мной, — щедро предложил Андре.

— Ух ты, какое неожиданное приглашение! — обрадовалась я. — А как там у тебя в замке к призракам относятся?

— Положительно, — хмыкнул он. — При условии, что эти призраки находятся там с моего ведома.

— Ну ладно, — немного поломавшись, решила я. — Тогда я согласна! Готова немного у тебя погостить.

— Ну вот и договорились, — усмехнулся Андре.

— Надеюсь, у тебя, по крайней мере, есть кого попугать? — капризно спросила я. — Кто-нибудь, за кем можно вдоволь погоняться со свистом и улюлюканьем?

— Вот с этим похуже, — признался Андре, стряхивая с рук остатки соломинок. — У меня в замке пугливых мало.

— Плохо, — попеняла я. — Ну хоть старая экономка есть? Не помню, откуда, но я точно знаю, что привидений боятся старые экономки.

В глазах Андре заиграли смешинки, уголки губ поползли вверх.

— Экономка есть, и действительно в возрасте, — обрадовал меня он. Но радость была недолгой. — Вот только она совсем не робкого десятка. Я бы сказал, она смелее большинства мужчин, с которыми мне доводилось встречаться. И уж призрака точно не испугается.

— Да? — расстроено, даже обиженно вздохнула я. — А если он сделает вот так?

Подлетев к самому уху Андре, я громко и протяжно заверещала:

— У-у-у-у-у!

Сокамерник даже не дрогнул, и только когда я затихла, поднес руку к уху и потряс головой.

— Думаю, что в этом случае она схватится за свою знаменитую мухобойку, которой боятся все лакеи, — сообщил он. — И я бы на твоём месте не был уверен, что она промахнется.

— Ну, я так не играю, — вконец огорчилась я. — Что же у тебя за замок такой, если там совсем попугать некого?

— А тебе непременно подавай кого-нибудь испугать? — с усмешкой спросил Андре. — До чего же ты вредная!

— Эгей, о мертвых либо хорошо, либо ничего! — предупредила я.

— Да? Хорошо же ты устроилась! — возмутился он.

— Не жалею, — парировала я. — Должны и в моём положении быть какие-то преимущества.

— Ну ладно, ладно, — сдался Андре. — Есть там пара человек, которых ты, наверное, сможешь напугать.

— Да? — радостно спросила я. — Кто же?

— Один из камердинеров и мальчишка-конюх, — как-то кисло отозвался сокамерник. — Последний верит в кучу всякой чуши. Я как-то попытался вправить ему мозги... Бессмысленно.

Он безнадежно махнул рукой.

— Ладно. — С вопросом фурора, который я произведу в замке, мы определились; теперь следовало как-то продолжить раз-

говор. — А где я буду жить? Надеюсь, у тебя есть приличная комната для гостей, со всеми удобствами? Я настаиваю на горячей ванне.

— А зачем тебе комната для гостей? — хитро прищурился Андре. — Ты будешь жить со мной, в моей спальне.

— С тобой?! — изумилась я. — Нет, это не годится. Так неправильно. Я — порядочная девушка. Была. Может быть... — Я с сомнением покосилась на свое тело, но ответа там нешла. — В общем, перебежешь, я буду ночевать отдельно.

Андре однако же проявил себя как мужчина, который легко не сдастся, упорно шагая к избранной цели.

— Сейчас же ты живешь со мной в одном помещении, и ничего, — аргументировал свою позицию он.

— Это совсем другое, — возразила я. — Это тюрьма, а то приличный дом. Нет, я не согласная. И потом, как же девушки, которых ты собирался притащить к себе в спальню?

— А они тебе что, помешают?

Андре постарался изобразить на своем лице искреннее удивление.

— Нет, скорее боюсь, что это я могу им помешать, — елейным голосом сообщила я. — Представляешь, если в самый ответственный момент не удержусь и начну давать советы? Рекомендации сексуально подкованного призрака, звучащие из ниоткуда? Думаешь, хоть одна девушка сможет дожить до утра, не поседев?

— А ты сексуально подкована? — мигом нашел к чему прицепиться Андре, разом утратив интерес к прочим аспектам обсуждения.

— А вот не знаю! — ядовитым тоном ответила я. — Но факт остается фактом: требую отдельной комнаты! Иначе в гости к тебе не полечу.

— Боюсь, мне без тебя теперь будет как-то некомфортно, — признался сокамерник. — Ладно, если жить в моей спальне тебе мешает девичья честь, есть очень простой способ это решить. Выходи за меня замуж!

— Кто — я?! — Я бы, наверное, зарделась, если бы могла. — Ой, это как-то неожиданно... Мне надо подумать, взвесить другие варианты... Ну ладно, я согласна! — поспешно заявила я, пока он не сообразил язвительно сообщить, что призрачная жена никому сто лет не нужна.

— Ну вот и хорошо.

Андре улегся на солому, заложив руки за голову и согнув ноги в коленях. К теме собственного брака он явно относился крайне легкомысленно.

— Интересная получится свадьба, — задумчиво проговорила я.

— А что тебе не нравится? — пожал плечами Андре. — Проведем церемонию в часовне, в узком кругу.

— Настолько узком, что на свадьбе даже не будет невесты, — хохотнула я. — Да и подружек невесты тоже... Ну ничего, их можно заменить подружками жениха.

— Нет, — поморщился Андре. — Подружки жениха на свадьбе — это дурной тон.

— Ух ты, какой ты, оказывается, правильный! — съехидничала я.

Он снова равнодушно передернул плечами.

— Священника только жалко, — продолжала развивать тему я. — Он будет недоумевать, почему же во время церемонии у алтаря стоит только жених. А потом ка-ак услышит из ниоткуда голос: «Согласна!» Только вот еще с брачной ночью проблема. Хотя... — Я подлетела поближе к Андре и томным голосом произнесла в самое ухо: — На мне надета белая полупрозрачная ночная рубашка и длинные кружевные чулки. Я медленно снимаю левый чулок...

Жаль, что на Андре не было очков. Потому что то, как он попытался в этот момент на меня посмотреть, очень напоминало именно взгляд поверх очков. Он собирался, конечно, отреагировать и вербально, но тут я громко зашипела: «Ш-ш-ш!» и взлетела вверх.

Я что-то ощутила в воздухе, даже не вибрацию, скорее преддверие вибрации, и метнулась выше, против обыкновения, прямо сквозь потолок. Время словно остановилось, точнее сказать, его практически не потребовалось на мои перемещения. Вернувшись назад еще более стремительно, я закричала:

— Быстро! Отойди как можно дальше от двери! Ложись на пол и накрой голову руками!

— Что? — непонимающе нахмурился Андре.

— Делай, как я говорю! — рявкнула я.

Он по-прежнему хмурился, но все-таки последовал моим указаниям. А потом грянул взрыв.

Кажется, взрыв был даже не один, а несколько одновременно, и поразили они разные уровни тюрьмы. Должно быть, тот, кто это устроил, использовал тлорны, взрывающиеся шары магической природы, могущие, помимо всего прочего, зарываться в землю на приличную глубину и приводиться в действие уже после этого. Понятия не имею, откуда я это помню, однако особых сомнений на данный счет не возникало.

Послышался грохот, когда в нескольких камерах и отдельных частях коридора с потолка посыпались тяжелые камни. Нашу решетку сорвало с петель, и она, искореженная, упала внутрь. А следом из коридора полетели булыжники, мелкие обломки, каменная крошка. Она же посыпалась с потолка, а затем крупный булыжник рухнул на пол в том самом месте, где секундой ранее лежал Андре. По стене пробежали две длинные косые трещины. Откуда-то издали послышались крики, впрочем очень быстро затихшие.

А затем наступила тишина. Такая пронзительная, такая внезапная после адского грохота, что именно она казалась теперь по-настоящему оглушающей. Наконец ее разорвало шуршание и скрип каменной крошки, когда Андре опустил руки и, оглядевшись, поднялся на ноги. Первым делом он метнулся к моему телу. К счастью, я висела у противоположной от входа стены, и крупные камни не успели до меня добраться. Мелкие, конечно, оставили на теле порезы, но по сравнению с моим общим состоянием это была ерунда.

— Откуда ты узнала?

Андре опустил голову, чтобы стряхнуть с волос обильно усыпавшую их каменную пыль.

— Почувствовала, — лаконично ответила я. — Подожди здесь.

Я устремилась наружу через открывшийся теперь проход. Быстро облетела наш этаж, поднялась наверх и, оглядевшись, снова возвратилась в камеру.

— Отсюда можно выйти, — торопливо проинформировала я Андре. — Коридор частично завалило, лестницу тоже, но пробраться все равно реально. Так что у тебя есть шанс спастись. Скорее, другой возможности не будет.

— Охрана? — коротко спросил он.

— Много погибших. Тем, кто выжил, не до тебя. Если действовать осторожно, можно выбраться. Гарантий не даю, но шанс есть. Давай! — поторопила я. — Я проведу тебя, скажу, где лучше перебраться через завалы, и предупрежу, если кто-нибудь появится на горизонте.

— А что будет с тобой?

Андре задал этот вопрос, подняв голову и, кажется, надеясь поймать меня взглядом.

Причин лгать не было.

— Я проведу тебя, чтобы убедиться, что ты благополучно выбрался, и вернусь сюда. Останусь здесь, со своим телом. Буду доживать вместе с ним.

Андре молча стоял, стиснув зубы. Я уже собиралась сказать ему, что сейчас не время для сантиментов, а попрощаться мы сможем и потом, когда он выберется на свободу. Но тут сокамерник словно очнулся ото сна и решительно шагнул в сторону выхода. Обрадовавшись, я скользнула следом за ним. Но, к моему немалому удивлению, покидать камеру Андре не стал. Вместо этого поднял с пола приличных размеров камень и уверенно шагнул в мою сторону. В смысле — в сторону моего тела.

— Эй, ты что? — воскликнула я, когда, подойдя совсем близко, он поднял руки, замахиваясь.

Ничего не говоря, он со всей силы ударил камнем по кольцу, в которое была продета одна из цепей. Потом еще раз и еще. На пол снова посыпалась крошка. Стена была старой, в придачу успела пострадать от взрыва, и это существенно помогло Андре. Вскоре из стены вывалился один небольшой камень, а следом за ним и освободившееся кольцо. Моя левая рука безжизненно упала, утяжеленная цепью. Тело повернулось набок и теперь покачивалось, частично лишенное опоры.

Андре все так же молча перешел на другую сторону и стал ожесточенно бить камнем по второму кольцу. Вскоре и оно выпало из стены. Вовремя отбросив камень, Андре успел подхватить меня на руки.

— Позволь спросить, что ты делаешь? — вкрадчиво поинтересовалась я.

— Мы бежим вместе, — тоном, не терпящим возражений, заявил сокамерник.

Ну, тон он может выбирать какой угодно, а возражения у меня были.

— Ты сошел с ума! — яростно воскликнула я. — Куда вместе? Тебе самому бы выбраться! Думаешь, это будет легко и просто? Отнюдь! Надо пробраться через завал, надо не попасться стражникам там, наверху. Как ты собираешься проделать это с трупом на руках?!

— Это не труп! — рявкнул он.

— Ладно, не труп, тело, — согласилась я. — Я, конечно, за время, проведенное в тюрьме, мягко говоря, не растолстела, но все-таки я не ребенок. Как ты собираешься спастись отсюда с таким грузом? А потом, даже если выберешься? Тебе придется уходить как можно быстрее и как можно дальше. Далеко уйдешь с телом на руках? В придачу еще и с цепями? Я буду обузой, понимаешь ты это, недопустимой обузой! Ты сам вскоре пожалеешь о том, что взял меня с собой. И что сделаешь тог-

да? Бросишь посреди леса на съедение диким зверям? Или добровольно сдашься ближайшему патрулю?

— А тебе как самой кажется, какой вариант более вероятный? — огрызнулся Андре.

— Цепи будут еще и на каждом шагу звенеть, привлекая внимание! — не унималась я. — Пойми ты уже очевидное и спасайся, черт тебя побери!

— Вот вместе и будем спасаться.

Аккуратно уложив мое тело на пол в относительно целой части камеры, Андре принялся зачем-то перекачивать камни к той стене, у которой я до недавнего времени висела, образуя там своего рода завал.

— Слушай, почему ты так упорно игнорируешь мои слова? — оскорбилась я. — Кто тебе, в конце-то концов, дороже, я или она?

Андре остановил свое занятие и, подняв голову, с интересом скользнул взглядом по участку стены, находившемуся непосредственно за мной. Снова ориентировался на голос.

— Ты или она, — повторил он. Интонация была не вопросительная. — Поздравляю тебя, Эрта. Ты — первый в истории призрак, страдающий от раздвоения личности.

— С чего ты взял, что страдающий? — огрызнулась я, но запал уже проходил.

В конце-то концов, с какой стати я так сопротивляюсь? Кого пытаюсь обмануть? Можно подумать, мне самой не хочется, чтобы моего лица еще хотя бы один раз коснулся солнечный луч. Чтобы свежий ветер подхватил прядь волос, а молодая трава пощекотала ступни...

— Делай, как знаешь, — устало сдалась я. — Только не забывай, я уже почти умерла. А ты еще живой.

— Маленький нюанс: я еще живой благодаря тебе. — Андре вытер рукой вспотевший лоб. Теперь около моей стены образовался самый настоящий завал. — Подожди, я сейчас, — бросил он, выходя из камеры.

Ждать я не стала — одолевало любопытство. Поэтому я полетела следом за ним.

Быстро оглядевшись, Андре пошел по коридору. Каменная крошка громко хрустела под ногами. Соседняя камера располагалась сравнительно далеко. На этом этаже камеры специально находились на приличном расстоянии друг от друга, чтобы заключенные, о существовании которых надлежало забыть всему миру, не имели возможности переговариваться между собой.

Соседнее помещение пострадало куда сильнее нашего. Здесь намного более основательно обвалился потолок, а стены были обуглены. Должно быть, эта камера находилась ближе к эпицентру взрыва. Заключенный не выжил. И не просто не выжил. Если бы я по-прежнему была живой, предполагаю, что мне бы стало очень нехорошо. Но в своем нынешнем состоянии я не испытывала тошноту и просто смотрела на разбрызганную кровь, на раздавленное тяжеленным булыжником тело и на лежащую отдельно кисть руки, которую, должно быть, оторвало во время взрыва.

Не знаю, почувствовал ли себя плохо Андре, но внешне он подобных признаков не проявил. И даже более того. К моему немалому удивлению он, осмотревшись, поднял кисть и понес ее обратно в нашу камеру. От такого поступка у меня временно пропал дар речи.

Впрочем, мотивы стали ясны быстро. Вернувшись к нам, Андре окинул взглядом образованный им у стены завал, после чего положил кисть возле камней. Затем подошел к моему телу и оторвал лоскуток от моей блузы.

— Эй, ты чего?!

Голос у меня все-таки прорезался.

Андре положил лоскут между камнями.

— Если сюда доберутся с проверкой, — сказал он, отряхивая руки и оглядывая результат своей деятельности, — есть как минимум шанс, что они решат, будто нас завалило во время взрыва. Это даст нам лишнее время. Что совсем не помешает. Веди!

Он наклонился и взял мое тело на руки.

Больше не пререкаясь, я полетела вперед. Лишь на мгновение оглянулась, осматривая напоследок то, что осталось от нашей камеры. Сколь ни смешно, но это единственный дом, который я помнила. Ну и пропади он пропадом! Я решительно устремилась вперед по коридору.

— Живых дальше нет, — сообщила я Андре, вернувшись. — На этом этаже, я имею в виду. И еще — мне не нравится то, как ощущаются эти стены. Не удивлюсь, если в скором времени случится повторный обвал. Лучше выбираться отсюда побыстрее.

Андре молча кивнул, ускоряя шаг. Ноги утопали в каменной насыпи. Местами приходилось перебираться через небольшие завалы. На одном участке завал оказался слишком внушительным, чтобы его преодолеть: камни доходили почти до самого потолка. Но я уже успела выяснить, как обойти это место. Это можно было сделать через пустую камеру, дверь которой была

не заперта. Образовавшаяся в стене дыра позволяла выбраться в коридор в той его части, по которой уже можно было идти дальше. Дыра, правда, была не слишком широкой. Андре пришлось оставить меня в камере, вылезти наружу, и уже потом вытащить меня. Путь он продолжил, перекинув мое тело через плечо; это позволяло ему в случае необходимости использовать свободную руку.

Наконец мы почти добрались до лестницы. Перед ней была караулка. Она не являлась отдельной комнатой, скорее своего рода широкой нишей в конце коридора. Именно здесь обычно дежурили два стражника, раз в сутки делавшие обход. Играли в кости и карты, выпивали, перемывали косточки начальству. А что еще делать в долгие часы службы?

Во время взрыва они, по-видимому, тоже играли, поскольку стакан для бросания костей хрустнул у Андре под ногами. Один стражник, тот самый, у которого сварливая теща, лежал на полу в луже крови. Мне подумалось, что больше родственница никогда уже не будет его пилить. Второй тоже обнаружился поблизости, возле опрокинутого стула. Его череп оказался проломлен камнем.

Вместо того чтобы пройти мимо, Андре снова положил меня на пол и присел на корточки возле второго стражника. Стал разглядывать его, щурясь в темноте. Висевший на стене факел потух, и скудный свет проникал лишь откуда-то с лестницы. Я поднялась на несколько пролетов, проверяя, нет ли поблизости кого-нибудь, кто представлял бы для нас опасность. Лишь поднявшись на три этажа, обнаружила спящих там людей, но им явно было не до нас. Слишком много убитых и раненых. К тому же еще одним этажом выше, кажется, разгорался пожар.

Вернувшись к Андре, я застала замечательную картину. И хотя отлично понимала, какова истинная цель моего недавнего сокамерника, не удержалась, и громко, со значением, присвистнула. Дело в том, что Андре уже снял со стражника с проломленным черепом одежду, а сейчас занимался тем, что стягивал собственные брюки.

— Решил перед уходом как следует отомстить тюремщикам? — саркастично осведомилась я. — Хочешь надругаться над каждым, которого найдешь, или только лично над этим?

От такой интерпретации своих поступков Андре поперхнулся, но действовать медленнее не стал. Избавившись от брюк, скинул то, что осталось от его собственной рубашки, после чего принялся одеваться в трофейную одежду. Она оказалась ему по размеру, благо фигуры у них со стражником были

похожие. Вскоре он был одет в темно-коричневые брюки, рубашку того же цвета и удлиненную кожаную куртку, призванную как оберегать от царящего в подземелье холода, так и служить минимальной защитой от клинков и других острых предметов в случае нападения. Специальный знак, пришитый к куртке в районе левого плеча, красноречиво свидетельствовал о принадлежности ее хозяина к рядам стражей королевских тюрем. На этом Андре не остановился, прицепил к поясу валявшийся в стороне меч.

— Как там наверху? — спросил он.

— Пока все чисто, — ответила я. — От взрыва в башне начался пожар, но это высоко над нами, досюда дойдет не скоро, если вообще дойдет, тут как-никак одни камни. Зато стражу отвлечет как следует.

Андре коротко кивнул, соглашаясь с тем, что нам пожар только на пользу. Снова сев на корточки, принялся быстро натягивать свою потрепанную одежду на стражника.

— Вот это забота! — восхитилась я. — Или скромность?

— Предосторожность, — не отвлекаясь, объяснил Андре. — Если его найдут здесь обнаженным, непременно поинтересуются, что произошло. А то, что одежда разорвана, никого не удивит.

— Скорее всего, они бы решили, что стражники нашли своеобразный способ разбавить рутинную скуку, — высказала предположение я. — Но ты прав, осторожность не повредит.

Ощупав на себе куртку, Андре извлек из внутреннего кармана кошелек, взвесил на ладони — не густо, но лучше, чем ничего, — и отправил обратно в карман. Но уходить не спешил. Перебрался ко второму стражнику, обыскал и его. Нашел еще один кошелек, правда, перепачканный кровью. Высыпал содержимое на ладонь — там было около полудюжины монет, и тоже убрал их в карман. Меч этого стражника не тронул, зато заткнул себе за пояс нож.

— Имеешь опыт мародерства? — поинтересовалась я, одновременно следя за колебаниями воздуха.

— Теперь имею, — подчеркнуто безразличным тоном отозвался Андре.

— Не забудь свои пуговицы, — посоветовала я.

— Какие пуговицы? — не понял он.

— На твоей рубашке. Не этой, — уточнила я, когда Андре инстинктивно опустил голову, глядя себе на живот. — Которая сейчас на том парне. Они серебряные, так что стоят больше, чем все эти монеты, вместе взятые.

— Ты права, — согласился он. — Я как-то упустил это из виду.

Вернувшись к переодетому стражнику, Андре какое-то время смотрел на него, хмурясь и прикусив губу. Его тревожило, что оборванные пуговицы могут привлечь ненужное внимание. С другой стороны, серебряные пуговицы на рубашке простого стражника — штука тоже, мягко говоря, не слишком распространенная. Тем более что часть пуговиц успела оторваться за то время, что Андре провел в тюрьме. Их в любом случае оставалось всего четыре. Так что, махнув рукой, мол, будь что будет, Андре оборвал их, после чего быстро подхватил меня на руки и поспешил дальше.

Мы стали подниматься по лестнице. Перила обвалились в нескольких местах, на ступенях лежали камни, но идти по ним тем не менее было можно. На третьем пролете нам встретился еще один труп. Судя по одежде, этот человек был рангом выше, чем оставшиеся внизу охранники. Должно быть, офицер.

Андре и тут не стал впадать в сантименты и, решив, что мародерствовать так мародерствовать, обыскал карманы погибшего. Здесь нашелся очередной кошелек, и денег в нем было побольше, чем в предыдущих. Андре также извлек на свет часы и погодник — прибор, внешне напоминающий часы, но обладающий тремя циферблатами и показывающий погоду, которая ожидается через сутки. Механизм чрезвычайно сложный и потому дорогостоящий. Некоторые считают, что было бы значительно полезнее, если бы эти приборы показывали сегодняшнюю погоду, а не завтрашнюю, но я с ними не соглашусь. Для сегодняшней погоды нет нужды таскать с собой специальное устройство. Просто выйди на улицу, да и посмотри. То ли дело иметь возможность заранее предвидеть любые изменения в температуре, влажности и осадках.

Андре уже собирался было отправиться дальше, но вдруг вернулся к телу. Осторожно снял с офицера более не нужный тому плащ. А затем набросил этот плащ на меня.

Еще один этаж — и эта предосторожность пригодилась. Нам навстречу бежал тюремщик, судя по одежде и манерам, тоже офицер.

— Откуда? — коротко спросил он у Андре, по одежде определив в последнем одного из своих подчиненных.

— Оттуда, — не менее лаконично ответил Андре, указывая вниз.

— Убит?

Офицер скользнул взглядом по укрытому плащом телу.